

СОФЬЯ
ПИЛЯВСКАЯ

грустная

книга

УДК 792.071.2:929(470)

ББК 85.85.334.3(2)6-8

ПЗ2

Предисловие Евгения Конюхова

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Владислава Воронина

Фото предоставлены Музеем МХАТ и киностудией «Мосфильм»

Фото на переплете Игоря Александра

Издательство благодарит Музей МХАТ, лично директора Музея МХАТ Софью Михайловну Грачеву и главного хранителя Евгения Анатольевича Конюхова, сотрудников Музея МХАТ Карину Игоревну Энгельгардт, Ольгу Игоревну Друкер

Пилявская, С.

ПЗ2 Грустная книга / Софья Пилявская. — Москва : Азбука : Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. + вкл. (32 с.). — (Персона. Актерская книга).

ISBN 978-5-389-25754-2

«Что видишь, то и пиши, а что не видишь — писать не следует». Софья Станиславовна Пилявская не случайно выбрала эти слова из «Театрального романа» Михаила Булгакова эпиграфом для своей «Грустной книги». Почему грустной? Потому что другой она быть и не могла: Пилявская родилась в 1911-м и дожила до 2000-го. В ее судьбу вместился весь страшный XX век, который ее не щадил, бил наотмашь: арест отца в 1937-м, война, потеря близких. Но в этой женщине было столько достоинства, благородства, столько мудрости и стойкости, что сломить ее веку-волкодаву не удалось.

Пилявская действительно писала только о том, что видела. А видела она многое и многих. Елена Сергеевна Булгакова, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Иван Михайлович Москвин и многие другие предстанут перед вами живыми людьми. Пилявская расскажет, как Москвин спас труппу театра, оказавшуюся в Минске накануне оккупации, как мхатовцы выкрали из вагона с зеками репрессированного Николая Эрדмана, как она по просьбе Книппер-Чеховой стирала смертную рубашку Антона Павловича, как после ареста ее отца Станиславский не дал уволить ее из театра, где она прослужила до конца жизни, сыграв множество ролей.

Это книга грустная, но не безысходная. Потому что она о людях, у которых было творчество, а значит, они знали, для чего живут.

УДК 792.071.2:929(470)

ББК 85.85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-389-25754-2

© Пилявская С., наследники, 2024

© Киноконцерн «Мосфильм», 2024

© Музей МХАТ

© Оформление, предисловие.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

Издательство АЗБУКА®

*Что видишь, то и пиши, а что не видишь —
писать не следует.*

М. Булгаков

*Есть дни и годы, к которым память
возвращается снова и снова — всю жизнь.*

А. Луначарский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если идти от станции метро «Пушкинская» вниз к Кремлю по четной стороне Тверской улицы и свернуть в Глинищевский переулок, по левую руку можно увидеть строгое здание — знаменитый мхатовский дом, в котором жили выдающиеся деятели Художественного театра: Владимир Иванович Немирович-Данченко, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Иван Михайлович Москвин. Здесь же, в квартире номер 30, жила Софья Станиславовна Пилявская.

Переступив однажды порог МХАТа, Софья Пилявская навсегда стала его частью, запомнилась как яркий пример интеллигентности и аристократизма, за что одни ее обожали, а другие обходили стороной или даже ненавидели.

Софья Станиславовна Пилявская родилась в мае 1911 года в Красноярске. Отец ее, Станислав Станиславович, родился в дворянской семье, учился в гимназии, окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1903 году вступил в партию большевиков, сделался профессиональным революционером, что впоследствии стало причиной многих злоключений семьи Пилявских. Мать, Софья Иосифовна, родом из аристократической семьи, воспитывалась у одной из своих родственниц, потому что ее мать выгнали из дома после того, как та вышла замуж против воли родителей.

Отца много раз арестовывали и в 1908 году сослали на вечное поселение в Красноярск, куда он отправился с женой и маленьким сыном. Спустя три года у них появилась дочь.

Незадолго до Февральской революции Станислав Станиславович уже со второй женой, Еленой Густавовной Смиттен, членом партии с 1904 года, вернулся в Петроград. Он участвовал во всех важных политических событиях, его политическая карьера пошла в гору, он занял пост председателя Спецколлегии Верховного суда СССР.

Несмотря на то что Станислав Станиславович ушел из семьи, он поддерживал отношения и с детьми, и с первой женой. Во многом именно благодаря этому мы знаем артистку Пилявскую: не будь многочисленных знакомств отца, Софья Станиславовна не смогла бы поступить на актерские курсы.

В своих воспоминаниях она пишет, что к началу 1927 года осознала: другой дороги, кроме как стать актрисой, у нее нет. И здесь огромную роль сыграло знакомство ее семьи с семьей Константина Сергеевича Станиславского. В том же году она отправилась на прослушивание к Зинаиде Сергеевне Соколовой, сестре Станиславского, в Драматическую студию. Пробы вышли неудачные. Зинаида Сергеевна внимательно выслушала соискательницу, но, к сожалению, отметила, что у той сильный, почти неисправимый, польский акцент, с которым на московских подмостках ей нечего делать. Многие бы после таких слов могли опустить руки и отказаться от мечты, но только не Софья Станиславовна. За год она смогла избавиться от акцента и все же поступила в студию Соколовой, где проучилась три года.

В архиве Зинаиды Сергеевны Соколовой в Музее МХАТ хранятся документы, рассказывающие о деятельности Драматической студии. И как только не коверкали в этих документах фамилию Пилявской — и Пилецкая, с последующим исправлением карандашом на Пилявскую, и Пелявская. Одной из первых ее ролей стала роль Фленушки в инсценировке романа «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского. В студии она исполняла «Две матери» К. Гамсуна, монолог Мирандолины из «Трактирщицы» К. Гольдони, читала стихи и поэмы С. А. Есенина. Она брала частные уроки у Зинаиды Сергеевны, иногда получалось заниматься даже с самим Константином Сергеевичем Станиславским.

Вместо предисловия

В 1931 году Софья Станиславовна окончила курсы и поступила во вспомогательный состав Художественного театра, где ее сразу заметил Владимир Иванович Немирович-Данченко, которого она боготворила, хотя он и не заваливал ее ролями. Но те роли, которые она играла при нем, запомнились ей на всю жизнь.

В 1933 году Софья Станиславовна познакомилась с Николаем Ивановичем Дорохиным, первым и единственным мужем и любовью на всю жизнь. Она родилась 17 мая, он — 18-го, у них был один день рождения на двоих. Это была счастливая актерская пара, хотя счастье их было недолгим.

В 1937 году произошло одно из самых страшных событий в жизни Софьи Пилявской. Началось с того, что отец попросил после его возвращения в Москву поехать с ним на примерку нового костюма. Шли дни, но звонка от него все не было. И тогда она отправилась к нему домой и обнаружила опечатанный кабинет. Все стало ясно: Станислава Станиславовича арестовали, случилось это 13 сентября. Приговор — десять лет без права переписки за тройной шпионаж. Как намного позже будет говорить с грустной улыбкой Софья Станиславовна, по числу языков, какие он знал. С этого момента в жизни Пилявской и Дорохина поселился страх. Вскоре родного брата Софьи Станиславовны уволили с работы, дочь ее отца от второго брака исключили из комсомола, а Елену Смиттен, вторую жену, отправили в лагерь. Софью Станиславовну ждало увольнение из театра. Написав под диктовку директора заявление по собственному желанию, она уже была готова распрощаться с театром. Но вмешался Станиславский. Ему пытались объяснить, что Пилявская — дочь врага народа, на что Константин Сергеевич ответил, что она дочь, а не враг народа, и разорвал заявление. Софья Станиславовна осталась в театре, репетировала, играла спектакли, но жизнь изменилась. Мужу стали приходить повестки из НКВД, его убеждали следить за женой и даже отказаться от нее, чего он, конечно же, не сделал. Это изрядно потрепало его и без того больное сердце. В 1938 году, в возрасте 33 лет, у Николая Ивановича случился первый сердечный приступ.

Софья Пилявская. Грустная книга

Софья Станиславовна ждала, когда окончится срок отца, но позже узнала, что он был расстрелян еще в ноябре 1937 года.

Жизнь между тем продолжалась, но ее омрачали то и дело появляющиеся некрологи — ушли из жизни Константин Сергеевич Станиславский, Михаил Афанасьевич Булгаков, Владимир Иванович Немирович-Данченко, Иван Михайлович Москвин. Софья Станиславовна глубоко переживала эти потери. Спасало теплое общение с великой актрисой Художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. В Музее МХАТ хранятся письма Софьи Станиславовны к Ольге Леонардовне. Они полны добра, почитания, безмерной любви и уважения. Во многих из них Пилявская обращается к Ольге Леонардовне «моя любимая Барыня». Софья Станиславовна навещала Книппер-Чехову и в Гурзуфе, где познакомилась с Марией Павловной Чеховой, сестрой Антона Павловича.

В 1941 году Пилявская с мужем и матерью эвакуируется в Саратов. Мхатовцы расположились в здании Саратовского театра юного зрителя, где жили и играли. Вскоре Софья Станиславовна получила известие о гибели брата. Это была огромная утрата, она не знала, как сказать об этом матери. Это сделал со всей осторожностью и деликатностью Николай Иванович. Однако, несмотря на тяжесть потери, Софья Станиславовна старалась держаться и не позволяла себе горевать на людях.

В ноябре 1942 года семья вернулась в Москву, Николай Иванович возглавил концертную бригаду, которая выезжала на фронт до самого Дня Победы.

Но в канун Нового 1954 года случилось то, что разделило жизнь Софьи Станиславовны на до и после. В начале театрального сезона 1953/1954 года Николаю Ивановичу предложили занять должность заведующего труппой Художественного театра. Эта работа требовала внимательности и концентрации, именно поэтому Софья Станиславовна всячески отговаривала мужа, боясь за его больное сердце. Дорохин был одаренным человеком, одержимым театром и, несмотря на предостережения жены, согласился. Тридцатого декабря вечером Николай Иванович играл спектакль, играл бодро, энергично. Наутро, как всегда это

Вместо предисловия

бывало, завел часы, перелистнул календарь, отправился в театр, в обед вернулся домой. Вечером, по традиции последних нескольких лет, Николай Иванович и Софья Станиславовна отправились встречать Новый год к Книппер-Чеховой. У подъезда он задержался на улице, а Пилявская поднялась в квартиру. Через какое-то время Николай Иванович появился в дверях весь бледный, держась за сердце — ему было плохо. Пройдя несколько шагов, он упал в столовой. Его сердце остановилось в тридцать две минуты двенадцатого. Ему было 48 лет.

Начались долгие, пустые дни после смерти мужа. Вплоть до своей кончины в 2000 году Софья Станиславовна встречала Новый год одна.

В 1954 году ее пригласили в Школу-студию им. Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТе СССР имени М. Горького в качестве педагога актерского мастерства, помощника Виктора Яковлевича Станицына. Конечно, в первую очередь ее приглашали как актрису, знакомую с особенностями школы старого МХАТа, но была и другая причина — коллеги хотели как-то отвлечь ее от переживаний после потери мужа. Софья Станиславовна дала согласие — Школа-студия МХАТ была детищем Вл. И. Немировича-Данченко, к которому она относилась с безмерным уважением и который собрал в Школе-студии людей, хорошо знавших театр, и многих актеров, главным образом второго поколения, для преподавания мастерства актера. В Школу-студию пригласили даже княжну Волконскую, обучавшую студентов светскому этикету.

В отличие от других педагогов, Пилявская часто рассказывала о совсем не веселых моментах жизни, например о смерти Станиславского или Немировича-Данченко. Как никто другой она знала, что в жизни бывают потери, и учила молодых актеров, как эти потери впустить в себя, прожить их и показать на сцене.

Пилявская не скрывала, что поначалу боялась студентов до дрожи. И тем не менее она стала прекрасным педагогом. Актриса Наталья Дмитриевна Журавлева, ныне сама педагог Школы-студии МХАТ, вспоминала, что Софья Станиславовна была достаточно строгой, но при этом и доброй. Она учила, что роль должна

получаться не из страха, не в результате выучки или тренировки, а органично, идти от души.

В одной из сцен в спектакле «Красивая жизнь» у баронессы, героини Софьи Станиславовны, есть слова: «Я никогда не интересовалась непристойностями...» Это, пожалуй, одно из кредо самой Пилявской.

Безусловно, она была человеком старой выучки и старой закалки, привыкла с первых дней к театральной дисциплине — не навязанной, а абсолютно естественной. Она вспоминала, как раньше все приходило на репетиции заранее, минут за десять, и это был закон. Если кто-то приходил за пять минут, то Николай Николаевич Шелонский, помощник режиссера, делал устное замечание. Прийти вовремя означало опоздать — ведь нельзя врваться на репетицию или спектакль, нужна подготовка. Пилявская очень рано приезжала в театр, готовилась к спектаклю в своей уютной грим-уборной, всегда сама гримировалась, и это было завораживающим зрелищем! Лишь в конце позволяла гримеру надеть на нее парик.

В телевизионной программе «До и после полуночи» (1991) она говорила: «Я очень хорошо помню то время. Я помню, как нас воспитывали, строго, но очень бережно. Дисциплина была строгой, но она достигалась не приказами, а личным примером. И, глядя на них, на всех этих драгоценных людей, которых почти не осталось сейчас, мы невольно старались стать лучше. Вот я помню днем чайный актерский буфет. Наши основатели, Станиславский и Немирович-Данченко, никогда туда не входили, но, проходя мимо, иногда заглядывали. И вот я подсмотрела, стоя далеко в коридоре, как мимо этой арки проходит Владимир Иванович Немирович-Данченко, и все в буфете встают. Но что меня потрясло — у противоположной стены пили чай Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и Мария Петровна Лилина, жена Станиславского, и они тоже встали и наклонили голову. Вот такой была дисциплина в театре».

Аристократичная, всегда элегантно одетая, с неброским маникюром и безупречными манерами, Софья Станиславовна прививала студентам вкус, учила вести себя. Ее любимыми учениками стал выпуск 1959 года, который долгое время после окончания

Вместо предисловия

оставался единым курсом: А. С. Лазарев и Е. Н. Лазарев, В. М. Невинный, Т. Е. Лаврова, А. Б. Покровская, Н. Д. Журавлева, А. В. Ромашин, Г. И. Морачева, А. Л. Филозов и др. В одном из своих поздних интервью Софья Станиславовна вспоминала: «Они стали исключением даже тогда, когда было много хороших настоящих студентов. Они жадно хотели учиться. Они не чурались никакой работы. Они делали все своими руками».

В дни рождения Софьи Станиславовны любимый курс приходил к ней в гости. Помощница по дому, тоже Соня, кормила всех пирожками.

Альберт Леонидович Филозов вспоминал, что Софья Станиславовна была курсу как мать – всегда подскажет, поможет, пригreet у себя дома, но в то же время и как «сестра по профессии». Студенты, которые с ней долго работали, называли ее Зося. При всей своей строгости она отличалась удивительным чувством юмора и могла заразительно смеяться.

Софья Станиславовна прошла долгий путь от старшего преподавателя до профессора, выпустила несколько курсов, подарив им любовь, привив трепетное отношение к гениям старого Художественного театра.

Отдельная страница жизни Софьи Пилявской — ее тесная дружба с Еленой Сергеевной Булгаковой, с которой она часто встречалась, перезванивалась. Софья Станиславовна вспоминала их последний телефонный разговор, когда вдова Булгакова слабым голосом проговорила в трубку: «Я люблю тебя». Утром следующего дня, в восемь часов, раздался звонок: Сергей Шиловский сообщил, что Елена Сергеевна скончалась...

Была у Софьи Станиславовны и еще одна особая дружба — со Святославом Теофиловичем Рихтером, которого она боготворила. И с его стороны это было взаимно. На презентации первого издания «Грустной книги» Рихтер и его жена, Нина Львовна Дорлиак, присутствовать не смогли, но прислали трогательное письмо, в котором отмечали искренность автора, то, как нежно она отзывалась о дорогих ей людях, портреты которых один за другим вырисовываются в воображении читателя. Когда Софье

Станиславовне передали это письмо, она тяжело встала, сделала элегантный поклон и нежно поцеловала конверт. С таким пиететом относилась она к знаменитому пианисту.

Но вернемся в 1970-е. Эти годы были сложными для Софьи Станиславовны – она играла спектакли, но с новыми ролями не ладилось. Пришедший во МХАТ Олег Николаевич Ефремов, как рассказывала Алла Борисовна Покровская, сомневался в ее таланте, не верил, что она сможет соответствовать требованиям современной режиссуры. Он искал новые характеры, других людей, поэтому Пилявская оставалась за бортом корабля по имени «Художественный театр». Но позже он разглядел в ней искру и проникся.

В 1990-е годы вышло сразу несколько спектаклей с участием Софьи Станиславовны. В «Красивой жизни» Ж. Ануя она играла баронессу, но создавалось ощущение, что это была не игра: ее манеры, ее ощущение себя на сцене – все говорило о том, что перед зрителем настоящая баронесса. В «Горе от ума» Пилявская сыграла Хлестову. По воспоминаниям Натальи Максимовны Теняковой, эта роль была будто написана для Пилявской – ее стать, характер были в роли как нельзя органичны. У Софьи Станиславовны очень сильно болела нога, которую она повредила еще во время войны. Ногу спасли, но боль периодически возвращалась. В последние годы ей становилось все сложнее ходить. Тогда-то Наталья Тенякова, будущи партнершей Пилявской по спектаклю «Красивая жизнь», предложила ей играть в коляске, но та наотрез отказалась – пока она на ногах, будет ходить, не сможет ходить – сядет в коляску.

В кино Софья Пилявская сыграла не много ролей, но несколько кинофильмов с ее участием стали шедеврами. Как не вспомнить «Все остается людям», экранизации «Анны Карениной» и «Живого трупа»! Но больше всего известен, конечно, фильм «Покровские ворота», где Софья Станиславовна сыграла тетюшку Костика Алису Витальевну. Небольшая, но очень запоминающаяся роль. Надо сказать, если бы не Пилявская, фильм мог лечь на полку и никогда не увидеть своего зрителя. Михаил Михайлович Казаков вспоминал, что картине долго не выдавали прокатного удостоверения. Казаков

Вместо предисловия

хотел пробиться к председателю Телерадиовещания С. Г. Лапину, от которого это зависело, но никак не мог. Тогда Пилявская сама отправилась на прием. Лапин очень уважал мхатовских стариков и не мог отказать актрисе — разрешение было получено.

В 1991 году Софья Станиславовна стала одной из последних, кто получил звание народного артиста СССР.

Последние годы жизни Софьи Станиславовны были омрачены не только ухудшающимся здоровьем, но и легкомысленностью студентов и молодых актеров. Она очень жалела, что во МХАТе не преподают манеры — «их никто не помнит». А этому, считала она, обязательно нужно обучать молодежь. Она не понимала новое поколение, которое не очень любило учиться и считало, что все знает и без педагогов. «Они воспринимают все старое как историю. Но от старого можно много взять для себя, от хорошего старого...» Для них это была история, а для нее — жизнь.

Во время репетиций «Горя от ума» Софья Станиславовна поражалась, как ведет себя молодежь, когда говорит Олег Николаевич Ефремов, режиссер, художественный руководитель, — кто-то вяжет, кто-то шепчется, кто-то читает, но только не вслушивается в разбор ролей и пьесы. Актеры нового поколения очень довольны собой, им все ясно. В телепередаче «Это было недавно...» (1998) она вспоминала, как ее муж работал на стройке Телеграфа, возил кирпичи, чтобы оплачивать учебу, а сам жил в чужой ванной. Молодые актеры сейчас живут лучше, заметила она, они не выстрадали то, что пришлось выстрадать старшему поколению.

И надо сказать еще об одной дружбе Софьи Станиславовны. В 1992 году судьба свела ее с Наиной Иосифовной Ельциной, они встретились в Пушкинском музее. Наина Иосифовна обратила внимание на элегантно одетую женщину — ею оказалась Софья Пилявская, актриса, которую Наина Иосифовна обожала. Она подошла поздороваться и подержать за руку ту, кто имел счастье и возможность репетировать с Константином Сергеевичем Станиславским и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, последнюю актрису второго поколения мхатовцев. Эта дружба длилась до последних дней Софьи Станиславовны. Именно Наина

Иосифовна помогла устроить Софью Станиславовну в больницу, когда той было уже совсем плохо, навещала ее. Выступая на вечере памяти Пилявской в Доме актера в 2002 году, Наина Иосифовна вспоминала, что даже в трудные минуты болезни, буквально накануне ухода, Софья Станиславовна была красива, она пронесла свою строгую красоту через всю жизнь.

В своих мемуарах К. С. Филиппова-Диодорова, ученица Пилявской, вспоминала историю с Николаем Ивановичем, который в Лувре долго рассматривал статую Афродиты, а потом сказал: «Моя Зося лучше». А заведующий труппой МХАТа Вадим Васильевич Шверубович говорил, что «зимой с ней еще можно ходить по улицам, но летом нет».

Она никогда никому не жаловалась, старалась воспринимать жизнь радостно, хотя это давалось ей очень тяжело. В последние годы она жила от спектакля до спектакля — в этом был смысл ее жизни. Пилявская надеялась, что в театр вернется та трепетность и ответственность перед людьми и делом, но она не возвращалась. Она мечтала о том, что вернется уровень старого МХАТа, который исчезал на ее глазах. Она терпела. Ей сложно было видеть то, чем стал театр, ведь она жила в одно время с гениями — Станиславским, Немировичем-Данченко, Книппер-Чеховой, Качаловым, Москвиным, Еланской, Андровской, Зуевой, Степановой и многими другими, но в то же время она понимала: театр не может жить без изменений.

Она хотела семью, но считала, что не имеет права жаловаться на ее отсутствие, конечно же, мечтала о новых ролях, но никогда их не просила. В последние годы часто говорила, что в театре она одна — последняя из того старого МХАТа.

Софья Станиславовна заранее позаботилась о наследстве — не забыла упомянуть ни одного из тех, кто был ей дорог. Особым ее пожеланием было уничтожить частную переписку, что и сделала одна из ее студенток.

Софья Станиславовны Пилявской не стало 21 января 2000 года. Она отдала Художественному театру почти 70 лет, сыграла около 50 ролей, среди которых Мария Меншикова в «Елизавете

Вместо предисловия

Петровне», Мариэтт в «Воскресении», Ночь в знаменитой «Синей птице», Софья и Хлестова в «Горе от ума», миссис Чивли в «Идеальном муже», Наталия Дмитриевна во «Все остается людям», Глумова в «На всякого мудреца довольно простоты», Войницкая в «Дяде Ване», баронесса Мина фон Брахеим в «Красивой жизни» и многие другие.

Она похоронена на Новодевичьем кладбище, где покоятся Вл. И. Немирович-Данченко, И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, Е. С. Булгакова и С. Т. Рихтер.

«Грустная книга» — история жизни прекрасной актрисы, красивой женщины, любящей и преданной жены, Человека с большой буквы, рассказанная ею самой.

*Е. А. Конюхов,
Главный хранитель Музея МХАТ*

ЧАСТЬ I

1911–1926 ГОДЫ

Я родилась в мае 1911 года в Красноярске. Родители мои поляки. Отец — Станислав Станиславович Пилявский — родился в 1883 году в семье врача. Воспитывал его отчим, потому что моя бабушка, овдовев в 21 год и оставшись с четырьмя детьми, вскоре вышла замуж за богатого польского помещика Феликса Козловского.

Еще в Виленской гимназии отец вступил в нелегальный марксистский кружок. Этим кружком руководил Иван Осипович Клопов — офицер, преподаватель гимнастики (совсем как Родэ у Чехова в «Трех сестрах»). Только офицер Клопов сотрудничал в газете «Искра» и, кажется, занимался ее распространением.

После окончания гимназии отец поступил в Петербургский университет на юридический факультет, где через некоторое время вместе с Николаем Николаевичем Крестинским (в гимназии они учились в одном классе и дружили всю жизнь) стал в свою очередь руководить подпольным марксистским кружком.

В 1903 году отец вступил в партию большевиков. В 1905 году был первый раз арестован и пробыл в заключении около года. Из университета его исключили. После освобождения был в Ковно и Вильно на подпольной работе (кличка — Фома). Какое-то время жил у родителей.

Моя мать Софья Иосифовна, урожденная Стоковская, тоже человек не совсем обычной биографии. Ее мать — моя бабушка Стоковская — родилась в аристократической польской семье, очень молодой влюбилась в небогатого «шляхтича», тайно с ним обвенчалась, за что и была изгнана из семьи и проклята родителями. Мама была третьей и самой младшей дочерью, дед (мамин отец) умер, когда ей не было и месяца. Воспитывалась мама у одной из своих родственниц — сестры грозной моей прабабки, так и не сменившей гнев на милость.

Как и когда встретились мои родители, я не знаю. Венчались они уже в Петербурге, потому что благодаря знакомству отчима с ректором Петербургского университета отец вновь был принят туда и окончил в 1908 году юридический факультет. В 1907 году родился мой брат Станислав.

В конце 1908 года отца опять арестовали, судили и выслали на вечное поселение в Красноярск. Мама с моим братом тоже вскоре уехала к отцу. Вот почему я стала сибирячкой.

В том же году деятельность офицера Клопова была раскрыта. Его судили, лишили офицерского звания и приговорили к высылке за пределы европейской части России. Списавшись с моим отцом, Клопов и его жена с двумя молоденькими дочками переехали на постоянное жительство в Красноярск. Мои родители были очень дружны с этой семьей.

Красноярск я помню смутно, в ту далекую пору он был заштатным городом. В центре одна мощеная улица — Дворянская, тротуары деревянные. На площади собор, аптека, театр и кондитерская «Жорж Борман». Кондитерскую помню по пирожным и лимонаду. Смутно помню и городской театр, где я даже изображала однажды роль мухи в детском любительском спектакле.

Ссылные называли город «Ветропыльск».

Жили мы на окраине (иначе нельзя было), наша улица называлась Узенькая.

Одноэтажный деревянный, в несколько окон со ставнями на улицу дом. Парадная дверь с козырьком. В холодных сенях — большое окно во двор. В те времена такой дом считался солидным и стоил недешево.

Квартира в несколько комнат. Кухня с русской печью и плитой, из кухни ход в сени и во двор. А там — будка и большой рыжий пес Цезарь, который иногда возил меня в санках.

В одной из комнат с окном во двор всегда жил или ночевал кто-нибудь посторонний. Освещение — конечно, керосиновые лампы и свечи. Удобства самые примитивные: воду носили ведрами (привозил водовоз), но была «умывальня» с тазами, кувшинами и рукомойниками.

Из прислуги были у нас кухарка, дворник и няня Зося, которую вывезли из Польши. Прислугу мои родители могли содержать потому, что мать и отчим отца высылали нам деньги, как и мамина старшая сестра — очень состоятельная женщина. Деньги высылались на имя мамы; она не была под надзором полиции и даже преподавала в местной женской гимназии музыку или пение.

Когда мне исполнилось 11 месяцев, мама повезла меня крестить в Польшу, в имение Козловских. Пока доехали до места, я уже пошла. По словам мамы, во время крестин я вела себя буйно. Крещена я тремя именами, как и полагаются в католических дворянских семьях. У девочек первое имя материнское, у мальчиков — по отцу. Таким образом, я — София Аделаида Антуанета.

Детство, особенно раннее, обычно вспоминается светлым и радостным. Так и у меня: радость от катания на санках во дворе, радость от украшенной горящими свечами елки с подарками под ней (а до этого клеились разноцветные цепи, золотились орехи и делались какие-то

игрушки). И вот наконец праздник. В гостиной что-то готовилось, а мы и наши гости Ира и Боба Мазинги (их отец, барон фон Мазинг, тоже был выслан в Красноярск) стояли под дверью, стараясь заглянуть в замочную скважину, и с нетерпением ждали марша или полонеза, который мама играла на пианино, — это был знак того, что сейчас откроется дверь.

Вспоминая сейчас то бесконечно далекое время, я понимаю, что мой очень активный, выражаясь мягко, характер доставлял родителям и всем близким много хлопот. Мой брат Станислав был кротким, воспитанным мальчиком, во всем мне уступавшим.

Обычно после мытья головы нам каждый раз закручивали волосы на папильотки нитками: маме хотелось, чтобы мы были в «локонах». Однажды, в знак протеста, я, раздобыв ножницы, срезала почти все свои волосы, устроив маме сюрприз. В результате нас обоих остригли почти наголо — есть фотография.

Хорошо помню воскресные завтраки и за столом, кроме членов семьи, большого, рыжего человека с добрыми, какими-то сияющими глазами — дядю Авеля. Его очень усердно потчевали, и он с аппетитом ел. Один раз, глядя на него, я спросила: «А вы не лопнете?» — повергнув маму в панику, а отца в смущение. А дядя Апель только хохотал. Это был Апель Сафронович Енукидзе, член партии большевиков с 1898 года, тоже не по своей воле оказавшийся на берегу Енисея. Он содержался не то в крепости, не то в казармах под Красноярском, и по субботам начальство отпускало его до утренней поверки в понедельник.

В субботу к вечеру он пешком приходил к нам, ночевал в комнате с окном во двор и утром, умытый и выбритый, в чистой суконной рубашке появлялся к завтраку.

Мы, дети, очень его любили. Почти все воскресенье он возился с нами, выдумывая различные игры, катал меня

на закорках, я — к ужасу мамы — запускала обе руки в его пышную огненную шевелюру, а он смеялся.

Авель Сафронович был очень добрым и мужественным человеком. Говорили, что я родилась, когда он находился у нас в доме.

Сразу после моего рождения бабушка Стоковская опять проявила храбрость и упорство. Она приехала в далекий и «дикий» Красноярск и прожила с нами около года. По маминым рассказам я знаю, что именно мое появление было причиной ее смелого поступка: она тогда была уже старой.

Зимой нас, детей, будили обычно в одно время. Вставали при свече. После завтрака становилось уже светло, нас снаряжали на прогулку и отправляли на улицу, даже если мороз достигал 45°. Но была одна ужасная процедура — лицо и руки под очень теплыми варежками густо мазали гусиным салом.

Мой отец, будучи ссыльным, не имел права служить, но был обязан каждую субботу являться к приставу для отметки. Его использовали только во время сибирской переписи населения и внутринадельного размежевания в Енисейской губернии. Это было связано с дальними разъездами. Отец прекрасно ездил верхом, иногда ему приходилось сплавляться на плотках по Енисею — там, где из-за многочисленных порогов река не была судоходной. Это было небезопасно. Поэтому во время отсутствия отца все очень волновались.

На лето наша семья выезжала на дачу. На нескольких телегах везли мебель, домашнюю утварь, даже пианино. Дача стояла на берегу Енисея. Место это называлось «За монастырем». Помню круглую клумбу и в середине ее большой стеклянный шар. Очевидно, тогда так было модно. Дача была большая, и кроме нас там жили Мазинги, а где-то рядом семья доктора Гусарова. Очень крупный, красивый, светлорусый, всегда элегантный (это я поняла гораздо позднее, по фотографиям), эдакий красноярский доктор Астров, он

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ПИЛЯВСКАЯ Софья Станиславовна
ГРУСТНАЯ КНИГА

Ответственный редактор *Ю. Раутборн*
Художественный редактор *В. Воронин*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *В. Алексина, О. Другова*
Компьютерная верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.08.2024
Формат 60×88 1/16. Гарнитура «PT Serif». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,33 (вкл. вклейку). Тираж 3000 экз.
Т-АВК-34194-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака Азбука 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — Азбука тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.
Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: http://atticus-group.ru/certification/ .	

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

